

Раздел 2

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИИ И УРАЛА

А. М. Сафронова

ПРОЕКТ В. Н. ТАТИЩЕВА ПО ОТКРЫТИЮ ШКОЛ НА ЧАСТНЫХ ЗАВОДАХ УРАЛА И ПОПЫТКА ЕГО ПРЕТВОРЕНИЯ В ЖИЗНЬ

В. Н. Татищев как организатор школ при казенных заводах Урала не раз привлекал внимание исследователей, а о его попытке создать сеть школ при частных уральских предприятиях встречаются лишь отдельные упоминания в литературе, несмотря на публикацию ряда документов, относящихся к этому вопросу как в дореволюционной, так и в советской историографии.

В. Н. Берхом в 1828 г. были введены в научный оборот тексты именной инструкции В. Н. Татищеву 1734 г., предписывавшей ввести на частных заводах институт шихтмейстеров, и резолюции Кабинета министров 1735 г., запрещавшей принуждать заводчиков к открытию школ¹. В 1830 г. эти документы были включены и в Полное собрание законов Российской империи². В 1831 г. был опубликован проект Заводского устава Татищева, отдельные положения которого определили размеры налога с промышленников на содержание учебных заведений³.

Автор первой монографии о Татищеве Н. А. Попов отмечал, что Татищев «заставлял обывательских детей с заводов частных промышленников учиться в школе от 6 до 12 лет», Кабинет же министров в ответ на просьбы заводладельцев приказал «не принуждать к учению неволею...»⁴. Какой-либо оценки этим действиям властей Попов не дал. Н. Владимирский-Буданов из-за неверного прочтения резолюции Каби-

нета министров на жалобу А. Демидова представил дело так, будто сам Татищев, а не Демидов просил Кабинет, чтобы детей на частных заводах не обучать в школах, так как они заняты на заводских работах, где «профессия легче может быть изучена практикою, а всякое образование, даже элементарное... вредит профессии»⁵. Так Татищев был превращен в противника школьного обучения, за которое в действительности ратовал всю жизнь.

Н. В. Нечаев в монографии о горно-заводских школах Урала лишь отметил, что Татищев в Наказе шихтмейстеру требовал «создания школ при каждом частном заводе и зачисления в эти школы всех детей заводских служащих», на почве чего «между Татищевым и Демидовым возник снова конфликт», сообщил о факте подготовки к открытию школы при Невьянском заводе летом-осенью 1735 г.⁶, но какого-либо анализа этим действиям Татищева, позиции заводчиков, верховной власти не дал. В. И. Будрин ограничился констатацией факта неудачной попытки Татищева открыть школу при Тагильском заводе Демидова⁷.

В 1951 г. Н. И. Павленко опубликовал четыре документа: Наказ шихтмейстеру В. Н. Татищева, прошение уральских промышленников по поводу его введения, резолюцию Канцелярии Главного правления заводов на это прошение, «Рассуждение» Коммерц-коллегии о наказе⁸. В предисловии к публикациям Павленко охарактеризовал социально-экономические взгляды Татищева как сторонника жесткой регламентации частной инициативы и активного вмешательства государства в деятельность заводчиков; раскрыл причины недовольства заводовладельцев шихтмейстерами⁹. В 1953 г. М. А. Горловский и Н. И. Павленко опубликовали материалы совещания уральских промышленников 1734—1736 гг., на котором в числе прочих обсуждались и положения Заводского устава о нормах налога с заводчиков на содержание школ¹⁰. В 1990 г. Наказ шихтмейстеру был опубликован вторично в «Записках. Письмах» В. Н. Татищева¹¹.

К сожалению, эти важные документы так и остались вне поля зрения исследователей истории учебных заведений, не известны в литературе и документы, раскрывающие практические шаги по организации школ на частных предприятиях. Между тем начинания Татищева по открытию школ при частных заводах следует расценивать как один из самых крупных и важных проектов по развитию просвещения в уральском крае, да и в масштабах всей страны. Претворение его в жизнь позволило бы резко поднять уровень детской грамотности на Урале: в поселках при казенных заводах благодаря активным действиям Татищева во второй половине 30-х гг. XVIII в. она приблизилась к всеобщей.

Рассмотрим в этой связи основные положения законопроектов Татищева в отношении устройства школ при частных предприятиях, действия

администрации казенного ведомства по претворению этих норм в жизнь, реакцию промышленников и верховной власти на эти действия. Прежде всего попытаемся ответить на вопрос, никогда не задавшийся исследователями: почему Татищев решился на столь неслыханные для России того времени действия — обязать владельцев частных заводов открывать при своих предприятиях школы и обучать детей?

Если в 1720—1721 гг. Татищев как начальник казенных заводов Урала не мог без санкции Берг-коллегии принимать ни одного сколько-нибудь серьезного решения, то в 1734 г. сама императрица повелела отправить его на Урал с «полной мочью».

Поначалу Анна Ивановна приказала Шафирову, президенту Коммерц-коллегии, в ведении которой находились заводы России, определить круг обязанностей нового начальника заводов. Инструкция, составленная Шафировым, содержала 7 кратких пунктов, в которых говорилось лишь об определении на частные заводы надзирателей для контроля за сбором налога с промышленников; о всех предложениях к «исправлению» заводских дел предписывалось докладывать Коммерц-коллегии, что не удовлетворило Татищева¹².

Пользуясь благоприятной ситуацией, Татищев смог добиться изменения инструкции, регламентировавшей его права и обязанности. Новый вариант, состоявший уже из 22 пунктов, включал его собственные предложения и был утвержден императрицей 23 марта 1734 г.¹³ Эта именная инструкция предоставляла Татищеву и вверенному ему горному управлению обширные права по развитию сети заводов Урала и Сибири, привлечению частного капитала к строительству предприятий, особенно в малообжитых местах; поощряла поиск новых рудных месторождений, в том числе золота, серебра, «цветных» камней (мрамора, агатов, яшм); разрешала перераспределять между заводами приписные деревни, использовать вольнонаемный труд пришлых крестьян, в случае нужды требовать денег и людей от Казанской и Сибирской губерний; пересмотреть заводские штаты, представленные к апробации прежним начальником В. И. Генниным, усовершенствовать «канцелярский» порядок; составить карты всех уездов Урала и Сибири, снабдить их обстоятельным географическим описанием. По всем вопросам, касавшимся заводского производства, ему разрешалось сноситься непосредственно с Кабинетом министров.

Особое внимание уделялось мерам закрепления за казенными заводами края специалистов-управленцев: по предложению В. И. Геннина им разрешалось без санкции верховной власти присваивать младшие офицерские ранги, включая поручика, определять жалованье «против полевых полков». Пункт 17-й гласил: «Понеже посылаемое отсюда (из столиц. — А. С.) в научение молодое шляхетство, для отдаления домов и

родственников, неохотно оному обучаются, а которые и обучились, про-
искивают как бы отлучиться», Татищеву поручалось дать этим дворянам
поместья в Перми близ владений Строгановых «с некоторою прибавкою»
вместо имевшихся у них в Центральной России, чтобы они вместе с деть-
ми закрепились при заводах. «Но дабы впредь отсюда в научение туда не
посылать, а довольствоваться тамошними обывателями: того ради устроить
вам хорошую школу и брать в оную тамо дворянских, подьяческих и не-
слушающих церковников детей, и оных прилежанием тому обучать». Именно это положение инструкции, появившееся стараниями Татищева,
позволило ему начать широкое преобразование школьного обучения при
казенных заводах Урала, поднять его на новую, более высокую ступень,
сопоставимую в чем-то с уровнем столичных учебных заведений.

Невиданно широкие полномочия получал Татищев и по контролю за
частными заводами Урала. Не случайно они излагались в трех самых об-
ширных пунктах именной инструкции — 18, 19 и 20-м. Пункт 18 начи-
нался такой формулировкой: «Над всеми партикулярными горными заво-
ды баронов Строгановых, дворян Демидовых и прочих иметь вам смот-
рение, чтоб они те заводы по надлежащему строили и размножали, медь
и железо делали как наилучше возможно, а негодного б железа и не чис-
той меди в продажу и отпуски не употребляли, и без клейма заводскаго
ничего не продавали...».

Татищеву поручалось следить за оплатой труда мастеров на частных
заводах, чтобы заводчики не переманивали друг от друга работников, не
принимали беглых, не утесняли один другого на пристанях. Он должен
был иметь обстоятельные известия об объеме выплавленной меди и чу-
гуна, с которых платилась десятина, количестве проданного при заводах
и отпущенного на сторону металла, подавать эти известия верховной вла-
сти. К каждому частному заводу Татищев должен был определить шихт-
мейстеров и дать им инструкцию, применяясь к опыту саксонских и
шведских заводов.

Новому начальнику казенных заводов поручалось помогать промыш-
ленникам в размножении промыслов «советом и делом», быть арбитром в
их спорах и распрях. Взаимоотношения между промышленниками и вот-
чинниками, между самими промышленниками, лишь намеченные Берг-
привилегией 1719 г., Татищев должен был регламентировать в особом
уставе, обсудить его с владельцами заводов и их приказчиками. Кроме
того, ему поручалось изменить порядок взимания налога с промышлен-
ников. По Берг-привилегии они должны были платить государству
 $\frac{1}{10}$ часть получаемой прибыли, но из-за невозможности определить раз-
меры прибыли Берг-коллегия постановила брать по 1 коп. с пуда выплав-
ленного чугуна. При этом не учитывалось, что заводовладельцы бесплат-

но пользуются землями и угодьями, принадлежащими помещику или государству.

Как справедливо отмечал Н. И. Павленко, В. Н. Татищев «был сторонником жесткой регламентации частной инициативы промышленников и требовал активного вмешательства абсолютистского государства в их деятельность»¹⁴. Эти взгляды Татищева, как видим из текста именной инструкции 1734 г., поначалу получили полную поддержку верховной власти, заинтересованной в пополнении казны налогами, мерах борьбы с утаиванием истинных размеров производимой продукции.

По прибытии на Урал осенью 1734 г. Татищев начал активно разрабатывать два проекта законодательных актов, санкционированных императрицей: Наказ шихтмейстеру, регламентирующий права и обязанности правительственных чиновников по контролю за частными предприятиями, и Горный устав, посвященный проблемам взаимоотношений промышленников. По собственной инициативе Татищев приступил к разработке еще одного законопроекта — Заводского устава, определявшего права представителей коронной администрации казенных заводов. В Наказ шихтмейстеру и Заводской устав Татищев ввел нормы, касавшиеся устройства школ при частных предприятиях.

Являясь сторонником широкого открытия школ и распространения грамотности среди населения как средства, содействующего развитию промышленности, торговли, сельского хозяйства, важного способа религиозно-нравственного воспитания, обосновав свои взгляды на «умопросвещение» как основной двигатель прогресса в обширном философско-публицистическом трактате «Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах», Татищев получил уникальную возможность на деле претворить свои идеи в жизнь. Для этого ему были даны самые широкие права, которыми ранее не располагал начальник обширного горно-заводского края, простиравшегося от Казани до Нерчинска.

Судя по распоряжениям, зафиксированным в дневальных книгах личной канцелярии Татищева, протоколах заседаний Канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов с октября 1734 г. по январь 1735 г. Татищев развернул активные действия по переписи детей школьного возраста, задумал открыть школы при всех казенных заводах, сделать обучение в них обязательным для всех детей мастеровых и заводских работников, солдат, разночинцев, в Екатеринбурге открыть первые школы повышенного типа. Действительно, почему владельцы частных предприятий, которых гораздо больше по численности, должны стоять в стороне от этих начинаний и по-прежнему оставлять детей в невежестве, почему бы и им не раскошелиться и не передать часть получаемой прибыли в пользу школ?

Выполняя важную историческую миссию, составляя законопроекты, которые должны были определить основы развития казенной и частной промышленности на многие годы вперед, стать новым шагом в развитии горного законодательства страны, Татищев не мог не отразить в них свои взгляды на важность развития школьного обучения детей при горных заводах. Татищев не мог не воспользоваться ситуацией и не попытаться утвердить свои взгляды в качестве высшей воли самого феодально-крепостнического государства. Именно так он мог обязать промышленников к открытию школ и обучению детей при своих предприятиях: противиться воле верховной власти они бы не посмели.

Разработка основ деятельности школ «попутно» с регламентацией чисто заводских проблем не являлась чем-то особенным для законодательства России XVIII в. Напротив, «попутная» регламентация деятельности учебных заведений — характерная черта школьного законодательства того времени. По нашим подсчетам, основанным на актах Полного собрания законов Российской империи, почти четверть постановлений о школах России XVIII в. была издана в виде отдельных глав, пунктов законодательных актов, затрагивавших широкий круг проблем, не имевших к школам прямого отношения: например, определявших функции государственных учреждений, должностных лиц и т. д.

Изучение комплекса документов Канцелярии Главного правления заводов и личной канцелярии Татищева позволяет утверждать, что раньше других был составлен Наказ шихтмейстеру. Н. И. Павленко датировал наказ 1735-м г., в публикации 1990 г. он датируется более определенно — не ранее 27 января 1735 г. — дня отправки его императрице для апробации.

Между тем окончание работы над наказом может быть точно датировано этим днем 27 января. В дневальной книге личной канцелярии Татищева как начальника заводов под этой датой записано: «Было собрание в доме... Татищева по полуночи в 11-м часу, г-н советник Хрущов, главный казначей Гордеев слушали шихтмейстерскую инструкцию и по оному розсуждали и по розсуждении приказали протоколисту в некоторых пунктах пополнить»¹⁵. К сожалению, неизвестно, какие поправки были внесены в текст в ходе обсуждения. В тот же день Татищев написал в доношении Кабинету министров: «Наказ я сочинил сам, при сем посылаю»¹⁶.

Наказ состоит из 10 глав, определявших круг обязанностей шихтмейстеров по контролю за частными предприятиями. Нас интересует 9-я глава, носящая название «О содержании церквей и школ». Она включает в себя введение и три развернутых пункта¹⁷.

Во введении Татищев обосновывает необходимость знания и соблюдения «законов божественного и гражданского» как основы всякого благополучия человека: «ибо во оных все то содержится, что к нашему здра-

вию, пропитанию и продолжению живота, а по смерти к вечному блаженству принадлежит...». Но как, вопрошает Татищев, «тот может закон или волю законодателя знать, или памятовать и хранить, которой того не учится, не слышит и, об этом не ведая, не мыслит». Он подвергает резкой критике промышленников, которые не заботятся о своих людях, «коих бы сердца способными к возвращению слова Божия быть могли, разными образы того лишают, как то видно, что многие промышленники, великия заводы построя и множеством людей населя, от избытков дома каменные построили и прочее, а церкви ни в десяти верстах и далее, ниже священников и учителей содержать не хотят и тем неповинно множество людей губят. Некоторые же содержат под именем священников бродяг непотребных и ни в чем знания имущих, от которых вместо пользы сугубой вред родится».

Ясно, что Татищев видит в посещении церковных служб и школ важный элемент нравственного воспитания общества. В первом пункте главы он излагает программу религиозно-нравственного воспитания взрослого населения и учащихся школ, за претворением в жизнь которой должен следить шихтмейстер: «прилежать тебе, чтоб при каждом заводе (ежели где в пяти верстах церкви не обретается) церковь по возможности промышленника построена была...». Татищев оговаривается: «Ежели же за новостию коего завода или малостию людей собственную церковь строить промышленник способа не имеет, а вблизи церкви находится, то понуждать к хождению церкви, как ниже показано».

Таким образом, Татищев справедливо полагает, что промышленник, владеющий заводом, обязан сделать так, чтобы церковь в пределах 5 верст от предприятия обязательно действовала: край полон леса, проблем с поиском рабочих рук нет, суммы на строительство и оборудование церкви уйдут совсем незначительные.

Шихтмейстер должен был «священника требовать от архиерея, а вольных бродяг в противность указа не принимать и ни под каким видом не держать», т. е. на него возлагалась ответственность за подбор кадров священнослужителей. На территории горного ведомства Татищев взял под жесткий контроль членов Канцелярии Главного правления заводов круг лиц, посвящаемых не только в попы и дьяконы митрополитом Тобольским и Сибирским Антонием, но и назначаемых в дьячки и пономари, и обосновал право светского ведомства диктовать свою волю духовному на одном из заседаний Канцелярии летом 1735 г. тем, что «все заводы казенные и портикулярные, и к ним приписные слободы поручены в главную команду нам и за первейших прихожан во всем здешнем ведомстве почитаемся мы»¹⁸. Неудивительно, что на территории частных заводов контроль за комплектованием причта поручался шихтмейстеру как представителю государственной власти.

Шихтмейстер должен был проследить и за обеспечением духовенства богослужебными, учительными книгами, что позволило бы повысить качество церковных служб: «К тому ж иметь книги церковные, яко служебные, тако и для чтения церковных учителей». Именно шихтмейстер должен был позаботиться, чтобы при церквях были важнейшие печатные законы, которые бы служители доводили до народа во время служб: «для знания воли монаршей и закона гражданского уложение и все уставы и указы печатные, которые в книгах собраны или впредь выдаваться будут, и из оных нужные всенародному знанию читать в год не меньше трех раз при собрании народном в церквях и младенцам в школах».

Такая практика имела место при казенных заводах, Татищев хотел распространить ее и на частные. О материальной стороне дела умалчивалось, но, думается, все эти книги должны были приобретаться за счет заводоладельцев, а наиболее важные законы печатались и рассылались из центра, доходили и до контор заводчиков.

Шихтмейстерам полагалось следить за тем, чтобы народ на частных заводах в воскресные и праздничные дни не работал и обязательно посещал церковные службы, они снабжались росписью таких праздничных дней. Роспись была составлена Татищевым для казенных заводов, в нее вошли праздники государственные, церковные, дни тезоименитств правящей императорской фамилии. Лиц, дерзнувших в эти дни работать, шататься по улицам, торговать приказывалось штрафовать согласно российскому указу от 17 февраля 1718 г.

Расписывались размеры штрафов за работу в праздничные и воскресные дни, за нехождение в церковь, отказ от исповеди и причащения. С самих промышленников и приказчиков Татищев предписал брать за непосещение церкви «против купцов» в первый раз по 1 руб., второй — по 2 руб., третий — по 3 и т. д.; с мастеров и работников — соответственно по 5, 10, 15 коп. Из штрафных денег $\frac{1}{3}$ предписывалось отдавать тому, кто приведет, а $\frac{2}{3}$ — на школу и церковь. О раскольниках шихтмейстеры должны были прислать в горное начальство роспись, следить, чтобы они платили налог за раскол.

Пункт 3-й главы 9 целиком посвящался вопросам организации учебных заведений: обосновывались причины их открытия, место расположения («при каждом заводе»), состав учащихся («всех обывателей дети, какова б звания ни были»), возраст принимаемых (от 6 до 12 лет), программа обучения (чтение, письмо, арифметика, геометрия). Вопрос с учителями решался лишь в общих чертах — учить «церковному дьячку или сыскав особно способного человека», а если его не окажется, то самому шихтмейстеру, «колико возможно».

Прежде всего хотелось бы отметить общее значение этих кратких, лаконичных норм. По сути, они знаменовали собой начало новой госу-

дарственной политики, обязывающей промышленников Урала создавать при своих заводах школы и обучать в них детей заводских жителей.

Единственный раз до этого правительство предприняло подобную попытку: в 1702 г. Никите Демидову была вручена «память», составленная думным дьяком А. Винусом на основе «указных статей» Петра I, один из пунктов которой предписывал построить при заводе церковь, «а у церкви... деткам школы и больным — больницы»¹⁹. Речь шла об открытии школы при Невьянском заводе — единственном тогда частном предприятии Урала, переданном Никите Демидову казной. Некоторые историки совершенно неправомерно трактовали этот нормативный документ как претворенный в жизнь, хотя ни одного факта, подтверждающего его практическое исполнение, никем никогда не приводилось. Во всяком случае, в середине 30-х гг. XVIII в. ни на одном частном предприятии Урала школ не было, а потребность в грамотных удовлетворялась благодаря обучению некоторых детей по инициативе родителей у мастеров грамоты, за плату.

В Наказе шихтмейстеру Татищев вел речь об организации школ при всех частновладельческих предприятиях. Новизна и прогрессивность этой меры станет более понятной, если учесть, что в середине 30-х гг. XVIII в. Урал являлся главным металлургическим центром страны, понятие «уральская промышленность» по существу совпадало с понятием «промышленность России». К 1735 г. по нашим подсчетам здесь действовало 16 казенных заводов и 25 частных. Для большей наглядности приведем список последних с указанием даты их основания и фамилий владельцев (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

*Частные заводы Урала и их владельцы (по данным 1735 г.)**

№ п/п	Дата открытия	Заводы	Владельцы
1	1730	Анцубский	Вяземские, с 1735г. — С. Иноземцев
2	1733	Билимбаевский	Строгановы
3	1718	Быньговский	А. Н. Демидов
4	1720	Верхнетагильский	»
5	1722	Выйский	»
6	1725	Давыдовский	Н. Н. Демидов
7	1728	Иргинский	П. И. Осокин
8	1733	Кирсинский	Г. М. Вяземский
9	1732	Коринский	Г. Красильников и И. Небогатов
10	1723	Лайский	А. Н. Демидов
11	1704	Мазуевский	Н. И. Огнев

№ п/п	Дата открытия	Заводы	Владельцы
12	1701	Невьянский	А. Н. Демидов
13	1725	Нишнетагильский	»
14	1734	Ревдинский	»
15	1729	Суксунский	»
16	1726	Таманский	Строгановы
17	1731	Троицкий	А. Турчанинова**
18	1729	Уткинский	А. Н. Демидов
19	1728	Черноисточенский	»
20	1732**	Шайтанский	Н. Н. Демидов**
21	1727	Шайтанский	А. Н. Демидов**
22	1732	Шилвинский	Е. И. Небогатов
23	1716	Шуралинский	А. Н. Демидов
24	1732	Шурминский	А. Прозоров и В. Дряхлов
25	1733	Юговской	Г. П. Осокин

* Составлено по: Горные и металлургические заводы Урала, XVII—начало XX в.: (Указатель) / Сост. Е. Ю. Рукосуев. Екатеринбург, 1996; Черноухов А. В. Указатель металлургических заводов Урала // История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 572—576; Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 231.

** Отмечены уточненные автором данные.

Из приведенной таблицы ясно, что более половины уральских частных заводов находилось в руках Демидовых — богатых заводовладельцев, два принадлежали Строгановым, но никто из промышленников не спешил вкладывать капиталы в организацию школ: все они на первоначальном этапе развития частной промышленности думали лишь о получении прибыли.

Татищев, как человек, всю жизнь ратовавший за государственные интересы, решил волею верховной власти заставить заводовладельцев изменить свои узкособственнические интересы и повернуться лицом к интересам общественным. Введение на частных заводах обязательного школьного обучения детей на уровне закона, безусловно, способствовало бы росту грамотности, подъему культурного уровня горно-заводского населения, в конечном счете положительно сказалось бы и на развитии самой частной промышленности.

Поскольку в XVIII в. овладение квалификацией, заводской специальностью требовало знания основ грамоты, счета, иногда умения делать простые геометрические построения, школьное обучение открыло бы доступ к овладению этими специальностями более широкому кругу детей, лишенных возможности получить основы грамоты на дому.

Рассмотрение Наказа шихтмейстеру в ряду других законодательных актов первой трети XVIII в. позволяет выделить такую его особенность, как наличие глубокой мотивации открытия учебных заведений — до этого развернутое обоснование имело место лишь в Духовном регламенте 1721 г., составленном Ф. Прокоповичем, и Уставе Кадетского корпуса 1731 г., краткие — в Манифесте 1730 г. об учреждении Кадетского корпуса, Регламенте Главного магистрата 1721 г. и законодательном акте 1732 г. о гарнизонных школах²⁰.

Если во введении к главе необходимость открытия школ обосновывалась требованиями активного воздействия на формирование мировоззрения, нравственных основ, то в самой главе развивалась мысль об определяющем значении школ для успешного развития промышленности, только намеченная Татищевым в Наказах комиссарам казенных заводов 1721, 1723 гг.: «Понеже при заводах умеющие читать и писать не только в правлении и надзирании, но и во всех ремеслах весьма нужны, наипаче же арифметика и геометрии лучшие к разсуждению способы подают и как в счислении приходов и расходов, так в сочинении чертежей весьма полезны, того ради необходимо нужно при каждом заводе иметь особливую школу...». Такая мотивировка являлась совершенно новой для законодательства России того времени.

Поскольку число частных заводов на Урале в 1735 г. равнялось 25, то и школ должно было появиться по меньшей мере 25 для обучения грамоте и столько же могло открыться для обучения математике, в случае если бы эти предметы вели разные учителя (в первой половине XVIII в. при казенных заводах словесные и арифметические школы, имевшие разных учителей, считались самостоятельными учебными заведениями).

Следует подчеркнуть, что благодаря открытию школ в каждом горно-заводском поселке обучение проводилось бы по месту жительства детей, в то время как подавляющее большинство учащихся в первой половине XVIII в. из-за редкой сети школ отрывалось от дома на десятки и сотни верст, на долгое время теряло с ним связь.

Прогрессивный характер имело и положение об обязательности школьного обучения детей всех жителей заводов, «какова б звания ни были». По-видимому, шихтмейстеры получили конкретные перечни тех слоев населения, из которых следовало набирать детей, так как в резолюции Канцелярии Главного правления заводов, вынесенной 30 мая 1735 г. на прошение промышленников, отмечалось: «в школы велено писать детей прикащиков, подьячих, надзирателей, мастеров, подмастерьев и тому подобных (т. е. заводских работников. — А. С.), яко же и посадских, а крестьян и бобылей, кои пашнею питаютца, тех не брать, разве кто сам учить сына похочет»²¹. Таким образом, на детей крестьян принцип обязательности обучения не распространялся, но в школы могли приниматься

все желающие, что, безусловно, являлось выражением передовых взглядов Татищева, который в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах», доказывая «вред от неучения народа», писал: «Я же рад и крестьян иметь умных и ученых»²². О возложении на детей крестьян школьной повинности в условиях их фактически крепостной зависимости от заводоладельцев, конечно, не могло идти и речи.

Обращает на себя внимание установление Татищевым точной и сравнительно широкой возрастной границы приема детей в школы — от 6 до 12 лет, что преследовало, видимо, определенную цель — устранить лазейки для промышленников и охватить обучением как можно более широкий круг детей. В предшествующих нормативных документах Татищева 1721—1723 гг., касавшихся казенных заводов, речи о возрасте принимаемых вообще не велось, как, впрочем, и во многих законодательных актах начала XVIII в., что объяснялось заинтересованностью государства в широком притоке обучающихся в только что начинавшую тогда складываться сеть государственных школ.

Новшеством для законодательства являлся 6-летний возраст определяемых к обучению: в цифирные школы по указу 1714 г. и в семинарии, согласно Духовному регламенту, принимались дети с 10 лет (они уже должны были уметь писать), в архиерейские школы по указу Синода 1722 г. — с 7 лет, в Кадетский корпус — с 13 лет (указ 1731 г.); в законе 1732 г. о гарнизонных школах прямо указывалось, что дети «меньше семи лет к наукам не способны... напрасно будет им в таком сущем малолетстве труд и на них излишний расход»²³. Татищев же в данном случае выступил как сторонник раннего обучения детей. Свою точку зрения на это он обосновал в «Разговоре»: ребенок «любопытен, ибо о всем спрашивает и знать хочет, и для того к научению легких наук, о котором немного думать надобно, он лучшее время имеет... его ум власно как мягкой воск, к которому все легче прилепится, но когда застареет, не скоро изкорениться уж может»²⁴. В Наказе шихтмейстеру он постарался провести свою точку зрения в жизнь.

Показательно введение в программу обучения на частных заводах наряду с чтением и письмом арифметики и даже геометрии. Последняя по Наказу Татищева заводскому комиссару 1723 г. должна была преподаваться лишь в одной из казенных школ — при новом Екатеринбургском заводе. В середине 30-х гг. XVIII в. Татищев задумал ввести обе части математики в программу обучения при всех казенных предприятиях (об этом появились нормы в Заводском уставе), подобную же программу предусмотрел и для школ частных. Думается, речь о геометрии велась с прицелом на будущее: сначала следовало обучить детей грамоте, от нее перейти к арифметике, потом уж приступить к основам геометрии. На это должно было уйти несколько лет. Безусловно, введение арифметики и

геометрии в программу обучения способствовало бы широкому распространению математических знаний на горно-заводском Урале, явилось бы крупным прорывом в масштабах всей страны: мало в каких начальных учебных заведениях велись эти предметы.

Подбор учительских кадров для частных школ Татищев возложил на шихтмейстеров, которые должны были найти способного свободного человека, если же это было затруднительно, использовать для обучения грамоте церковных дьячков, а математике обучать самим, «колико возможно». Кстати, подобная практика уже имела место в 1720-х гг., первый период руководства заводами Татищева. В 1730—1740-е гг. дьячков в словесных казенных школах заменили ссыльнопоселенцы, в арифметических порой использовались шихтмейстеры.

В Наказе шихтмейстеру отсутствовали нормы об организации самого обучения, чему немалое место уделялось в документах 1721, 1723 гг. Судя по фразе — «каким образом оную школу содержать, тому правила, предписанные тебе, сообщаются», — нормы наказа дополняла специальная инструкция, регламентирующая непосредственно школьный процесс. Логично предположить, что она была составлена самим Татищевым, в таком случае мы можем поставить вопрос о вероятности существования еще одного его произведения, не известного до сих пор, посвященного собственно школьному обучению. Текст этой инструкции нам, к сожалению, обнаружить пока не удалось.

Татищев не ограничился нормами об организации школ при частных заводах, поскольку понимал, что это процесс длительный: пока подберут помещение, найдут учителя, закупят книги, соберут детей, не один год уйдет и на их обучение грамоте, основам математики. Татищеву хотелось побыстрее подготовить хотя бы узкий круг образованных людей для частных заводов. По инициативе Татищева в том же январе 1735 г. четверо юношей, сыновей горной администрации казенных заводов, были отправлены для обучения в Санкт-Петербург в гимназию Академии наук; трое — за границу, на заводы Саксонии (последних, правда, верховная власть завернула из Петербурга на Урал).

Татищев решил, что для ускоренной подготовки нескольких юношей для частных заводов вполне подойдут школы, открывающиеся при казенных, в частности школы повышенного типа Екатеринбург: действующая с 1724 г. арифметическая, готовящиеся к открытию немецкая и школа рисования. Для новых школ через Кабинет министров и Академию наук из центра уже были запрошены учителя, учебные пособия. В январе же 1735 г. было принято решение об открытии школ при всех казенных заводах для обучения чтению, письму, математике.

Поэтому в конце главы Татищев предписал: «...доколе оные при партикулярных заводах школы в состояние придут и на все заводы ко опре-

делению шихтмейстеры способные явятся, надлежит вам, выбрав с каждого завода по два человека, умеющих грамоте, ис прикащиков или подъяческих детей к научению способных и выслать на казенные заводы в школу, которая ближе, где их будут обучать без требования от них за ученье. На пропитание же и одежды должны им промышленники от себя надлежащее дать».

Татищев, видимо, надеялся, что арифметические школы при казенных заводах начнут действовать раньше, чем при частных. На наш взгляд, он переоценивал возможности казенного ведомства: в момент составления Наказа шихтмейстеру, в январе 1735 г., продолжали действовать лишь две школы при Екатеринбургском заводе (словесная и арифметическая), при других заводах словесные начали открываться с марта месяца, арифметические же, куда могли определить обученных грамоте подростков с частных предприятий, открывались по мере овладения грамотой набранных учиться детей. При Каменском заводе арифметическая школа появилась в ноябре 1736 г., при Алапаевском — в январе 1737 г., при других — в 1738 г. и позднее.

В заключении к инструкции Татищев предписал: «И сверх того иметь тебе при себе для обучения содержанию книг и сочинения щетов двух человек». Т. е. подготовку квалифицированных конторских служащих на месте должен был осуществлять и сам шихтмейстер.

Придавая большое значение инструкции шихтмейстеру, Татищев просил Кабинет министров ее опубликовать. В этом случае обязательный характер норм, предписываемых заводчикам уже от имени государства, приобретал широкую известность, в том числе и среди народных масс. Ведь законодательные акты особой важности подлежали чтению в ходе церковных служб, недаром и шихтмейстерским наказом полагалось читать их «в год не меньше трех раз при собрании народном в церквях и младенцам в школах».

Какова была реакция верховной власти на нормы Наказа, сочинение которого поручалось Татищеву именной инструкцией 1734 г.? Как уже отмечалось, текст Наказа шихтмейстеру после обсуждения в уральской Канцелярии 27 января 1735 г. был отправлен при доношении императрице, получен ею 10 марта, через полтора месяца²⁵.

Именным указом от 25 апреля 1735 г. Татищеву объявлялось, что присланная от него инструкция будет рассмотрена в Коммерц-коллегии, потом для апробации подается в Кабинет, после чего «публикована быть может»²⁶. В Коммерц-коллегию она поступила 14 апреля 1735 г., в мае коллегия подала о ней «рассуждение» Кабинету министров²⁷.

По большинству положений члены коллегии выразили несогласие с Татищевым, заявив о слишком большом ущемлении прав заводчиков. Одобрив заведение церквей и школ как «весьма полезное дело», коллегия

эти положения предложила изменить: «хотя не на всяком заводе, однако ж на главных заводах церкви построить и школы содержать надлежит по возможности промышленников, а не в неволю и не в таком малом расстоянии верст, как в той инструкции написано»²⁸. По сути, обязательный характер предписания предлагалось отменить и решение вопроса передать на усмотрение самих промышленников.

Между тем Татищев, не дожидаясь санкции верховной власти, уже в январе 1735 г. начал претворение Наказа шихтмейстера в жизнь. И сразу же он столкнулся с проблемой нехватки подготовленных для исполнения этой должности людей. Еще в марте 1734 г., вслед за появлением именной инструкции, узаконившей институт шихтмейстеров, в бумагах Кабинета министров было зафиксировано распоряжение: отправить указ в Сенат, чтобы Татищева «требования выслушали и скорое решение učinили», дали людей из заслуженных и небогатых гвардии унтер-офицеров и рядовых 10 человек, «да из школ Адмиралтейской (имелась в виду Морская академия. — А. С.) и Артиллерийской 12 человек», а также из отставных²⁹. Требуемое число учеников Татищев получил из Морской академии и Инженерной школы, но их было явно недостаточно для назначения в шихтмейстеры, к тому же часть столичных школьников была назначена на вакантные должности при казенных заводах.

3 января 1735 г. уже из Екатеринбурга Татищев просил Анну Ивановну: «не соизволите ли... повелеть ис Кадецкого корпуса из небогатого шляхетства для определения на партикулярные заводы в шихтмейстеры человек семь или восемь прислать сюда на завод, понеже по многим требованиям от губернаторов и воевод шляхетских детей и других чинов людей не прислано...»³⁰. Татищев понимал, что шихтмейстерами лучше назначить выходцев из дворянского сословия — их команды легче будут исполняться на заводах.

27 января 1735 г., в день окончания работы над Наказом, Татищев наряду с доношением императрице отправил письмо и кабинет-министрам, опять просил «для определения на партикулярные заводы из небогатого шляхетства обученных арифметики и геометрии человек 10 или 12, ибо мы по требованиям от губерней не токмо людей, но ведомостей получить чрез 3 месяца не могли...»³¹. Именным указом от 25 апреля 1735 г. Татищева уверили, что из шляхетства 10 человек обученных арифметике и геометрии из Морской академии, 7 кадетов из Кадетского корпуса, когда представлены будут, пришлются немедленно³². Но Адмиралтейская коллегия на предписание верховной власти ответила, что в Морской академии дворян, обученных математике, нет ни одного человека, лишь четверо обучаются геометрии, двое — арифметике³³, т. е. и в столичных учебных заведениях найти знающих математику дворян было непросто.

В сентябре 1735 г., сообщая Анне Ивановне о богатствах горы Благодать, Татищев опять просил прислать майора или подполковника к земским делам, прапорщиков «письмоумеющих и не пьяниц» до 6 человек, «из казанского небогатого шляхетства человек 15 определить, которые б способны были в школе арифметики и геометрии научиться», дипломатично намекал: «а ис школ по определению в. и. в. назначенного числа с великим желанием ожидаю»³⁴.

Но кандидаты в шихтмейстеры из центра так и не были отправлены, Татищеву пришлось довольствоваться теми людьми, которые имелись при казенных заводах. Предварительное назначение шихтмейстеров прошло 25 ноября 1734 г. После составления Наказа их переназначили («по лутчему усмотрению состояния людей и заводов»): 11 февраля 1735 г. Канцелярия Главного правления заводов определила «оных шихтмейстеров имена в наказы внести и их на заводы разослать по тому реестру...»³⁵. Вместо 25 шихтмейстеров с трудом набрали 13, некоторым поручили надзор за 2—3 частными предприятиями³⁶.

Как отмечал Н. И. Павленко, вначале заводчики приняли новость о назначении шихтмейстеров благосклонно, их привлекла разрекламированная идея Наказа о возможности контроля за приказчиками, которые уже не смогли б обманывать хозяев в их отсутствие, обижать наследников после смерти владельцев, должны были вести приходно-расходные книги и т. д. Но как только промышленники познакомились с содержанием Наказа и увидели попытки его претворения в жизнь, «отношение к нововведению Татищева изменилось коренным образом»³⁷.

В марте 1735 г. в Канцелярию Главного правления заводов было подано коллективное прошение за подписью трех владельцев частных заводов и восьми приказчиков³⁸, составители которого побоялись отрицать татищевский документ в целом и выступили лишь против введения новых форм учета прихода-расхода денежной казны и припасов, требовавших увеличения числа подъячих при частных заводах, против выплаты жалованья работным людям за дни болезни и вынужденного простоя заводов и против обязательного обучения в школах детей от 6 до 12 лет. Это уникальный документ, как отмечал Н. И. Павленко, — первое известное нам коллективное прошение промышленников и выступивших от имени своих хозяев приказчиков.

Прохшение датируется 11 марта 1735 г. Накануне, 10 марта, всем участникам совещания по обсуждению Горного устава разрешено было покинуть Екатеринбург в связи с подготовкой к отправке весенних караванов. Свободные от дел промышленники и их приказчики решили подать прошение в Канцелярию Главного правления заводов, адресовав его Анне Ивановне. Писал прошение служитель Акинфия Демидова Степан Сергеев. Подписали его компанейщики Григорий Вяземский, Иван Небо-

гатов, Александр Прозоров, три приказчика Акинфия Демидова (Степан и Яков Егоровы, Степан Петелин), приказчики Никиты Демидова (Терентий Мосалов), Петра Осокина (Родион Набатов), компанейщиков Семена Красильникова (Федор Неклюдов), Гаврилы Осокина (Мокей Сорокин).

Недовольство школьным обучением они объясняли тем, что дети «при партикулярных заводах во оном возрасте многия заводские работы исправляют, а имянно при добыче железных руд носят руду для обжигания на пожеги и в прочих поденных легких работах и на лошадях возят всякие припасы и в других разных услугах и у мастеров в науках бывают, а платы получают по две и по три копейки на день. И ежели их от тех работ отлучить, то принуждены будем от того ж дела давать по шести копеек на день, от чего и на зделанный припасы цены возвышатца. А паче же за оскудением в совершенном возрасте работных людей многия заводския работы остановятца, и в. в. интерес и всенародная польза уалитца, и впредь заводов размножать ревностной охоты не будет, но и старыя содержать будет невозможно»³⁹.

Таким образом, недовольство объяснялось чисто экономическими причинами — нежеланием заводчиков уменьшать размеры получаемой прибыли. В скрытой форме, на наш взгляд, это фактически резкий протест против принципа обязательности обучения детей от 6 до 12 лет на частных заводах, провозглашенного Наказом. Отсюда и коллективная просьба — «в школах обучать тех, кои кроме мастерских наук и заводских работ имеютца свободны»⁴⁰.

Татищев, видимо, специально тянул с рассмотрением этого документа. Только 30 мая 1735 г. прошение обсуждалось на расширенном заседании Канцелярии. По всем его пунктам давалась резкая отповедь, в том числе и в отношении устройства школ. Вновь обосновывалась их польза для заводов, отрицалась выгода детского труда: «О школах, чтоб не обучать детей, представляют и просят весьма против пользы заводов, но разве для опасности, чтоб безумные и суеверные расколы не искоренились, и междо незнающими плутовство удобнее вкореняться могло». Татищев явно сам формулировал это определение, он привел пример из практики казенных заводов, когда в 1721 г. открывалась школа при Уктусском заводе, многие мастера противились, но благодаря школам «не токмо канцелярия подъячими, но многие ремесла грамоте, арифметике и геометрии умеющими удовлетствованы и от того к по[н]ятности и разсуждению есть им немалой способ и могут лутче и скорее делать...». На частных же заводах, как показывают сами приказчики, «в подъячие определить за неумением грамоты некого»⁴¹.

Татищев выступил резко против довода заводчиков и приказчиков об использовании детей на легких поденных работах: «Что же они написали, якобы младенцы от шести лет в работы употребляютца, оное сущая не-

правда, ибо таковой ничего работать не может, да хотя б его и послать да две копейки дать, то их десять против одного работника не сделают, да и то не всегда такие работы бывают, и для того надобно детям оным резвостью и безпутством время препровождать, к тому ж в школы велено писать детей прикащиков, подъячих, надзирателей, мастеров, подмастерьев и тому подобных, якоже и посадских, а крестьян и бобылей, кои пашнею питаютца, тех не брать, разве кто сам учить сына похочет. Когда же обучатся, а в лета к работе возможные придут выше двенадцати лет, тогда их в работы определять наука не мешает». Ясно, что Татищев предполагал уложить весь курс обучения в школах в 7 лет.

Эту резолюцию помимо Татищева подписали еще 8 членов горной администрации: прошение обсуждалось на расширенном заседании Канцелярии. Хотя Татищев преднамеренно говорит только о 6-летних детях, следует признать, что доводы его вполне логичны в отличие от доводов другой стороны. Копия этого прошения с резолюцией Канцелярии была отправлена для ведома верховной власти, но не остановила действий Татищева.

После написания Наказа шихтмейстеру Татищев приступил к разработке Заводского устава, регламентировавшего обязанности лиц коронной администрации казенных заводов. 30 мая 1735 г. он сообщал кабинет-министрам: «Устава часть некоторую я сочинил, а другое сочинять оставляю советнику Хрущову, чтоб без меня потрудились, иное возьму с собою и по досугу буду в езде делать... оное, что сделано, пришлю немедленно»⁴². 26 июня восемь глав устава были отправлены на высочайшее рассмотрение и утверждение⁴³. Положения о школах были введены Татищевым в 4 главы из 8, содержались в 14 пунктах из 157, почти все они касались школ при частных предприятиях.

В 1-ю главу устава, определявшую круг обязанностей главного правителя заводов, Татищев ввел пункт 29 под названием «О школах и учении», где изложил обязанности начальника по их устройству⁴⁴. В нем кратко формулировались причины организации школ («для всеяния слова Божия и умножения к пользе заводов принадлежащих наук»), декларировалась сама обязанность начальника («устроить школы, принять искусных и способных учителей, купить полезные книги и инструменты»), определялся социальный состав учащихся (дети управителей, церковнослужителей, приказных, мастеров и «всякого звания заводских жителей, кроме крестьянских»), начальный возраст обучения («от 6 лет»), программа обучения («читанию и писанию русскому, так и арифметике и геометрии, а способнейших... немецкому и латинскому языкам, также математике и другим высшим наукам, наипаче закону Божию и гражданскому»), содержалось общее указание на определение казенного жалования «неимушим» и преимущественное распределение обучавшихся к де-

лам, представления в чины, «дабы на то взирая, другие охотнее о науках прилежали».

Сам факт включения этих положений в главу о должности начальника заводов свидетельствует, что устройство школ при заводах Татищев стремился закрепить в законодательстве как одну из основных обязанностей главы уральской промышленности. Правда, четкого указания, распространяются ли эти нормы на частные заводы, не дал. Недаром промышленники и их приказчики позже, при обсуждении Заводского устава, вынуждены были гадать, касаются ли эти нормы или нет.

Напрямую затрагивала материальные интересы заводчиков 5-я глава Заводского устава «О должности главного казначея и его способности»: в пунктах 7—13 Татищев обосновал новый порядок взимания налогов с промышленников в пользу государства. По примеру других европейских стран вместо 1 коп. с пуда выплавленного металла владельцы «железных и медных» заводов обязывались отчислять в казну 5 пудов с каждой сотни изготовленной продукции, платить за отведенные им леса по 2 пуда, владельцу земли, на которой добывалась руда, — 1 пуд, на которой стоял завод, — 1 пуд, на содержание школы и богадельни — 1 пуд. Владельцы золотых и серебряных заводов обязывались платить десятину с прибыли в тех же пропорциях, владельцы «минеральных» заводов, выпускавших серу, селитру и т. п., фабрик проволочных, якорных, котельных и других — пошлину общим размером не в 10, а в 5 пудов⁴⁵.

Хотя Татищев не указывал прямо, на содержание каких школ должен был идти налог — государственных или открывавшихся при частных заводах, ясно, что подразумевались школы частные. В формулировке норм не раз повторялась фраза о налоге «с заводов» (во множественном числе) «на школу, богадельню». Татищев, будучи здравомыслящим человеком, не мог посягнуть на прибыль заводовладельцев в пользу казенных школ.

Эти положения законопроекта имели важное значение: по сути, Татищев таким образом пытался ввести государственное регулирование отчислений на школы при частных предприятиях. Твердая норма налога с промышленников на содержание богаделен и школ — по 1 пуду продукции со 100 пудов выплавленного металла — была призвана обеспечить эту важную социальную сферу достойным содержанием и пресечь в будущем попытки заводчиков сократить или вовсе прекратить передачу средств на обучение детей.

Обращает на себя внимание тот факт, что в законодательстве Саксонии и Богемии, на которое ссылался Татищев, налог с промышленников использовался на церкви и богадельни. Татищев же церкви заменил школами. Эта замена, видимо, не случайна и отражает стремление Татищева при всем почитании им церкви как идеологического оплота государства в

первую очередь гарантировать источник средств на содержание школ. Характерна в этой связи и следующая деталь: от налога с готовой продукции владельцы заводов могли освобождаться в первые три года, налог же на школы и богадельни должен был платиться с момента пуска предприятия.

В декабре 1734 — марте 1735 г., ноябре 1735 — январе 1736 г. в Екатеринбурге проводилось обсуждение подготовленных частей Горного и Заводского уставов на объединенных совещаниях представителей Канцелярии Главного правления заводов и промышленников (Демидовы и Строгановы направили вместо себя приказчиков). В Горном уставе, регулировавшем спорные вопросы между промышленниками, нормы, касавшиеся школ, отсутствовали. Заводской устав обсуждался в ходе второго совещания, в ноябре 1735 — январе 1736 г., и по 8 его пунктам из 14, касавшихся школ, промышленники выразили свое несогласие.

В своем общем мнении на 29-й пункт 1-й главы и 9-й пункт 6-й главы, в которых содержались общие положения об устройстве школ при заводах, адресованные начальнику заводов и главному межевщику, заводчики и их приказчики заявили: «в школы на партикулярных заводах, чтоб брать не всех мастерских и других званий людей детей, но и по препорции, по величине завода, дабы излишним расходом к тому учению маломочных заводчиков не отягатить, и оттого б у них в ремеслах и государственной прибыли уменьшения не воспоследовало»⁴⁶.

Учитывая, что в марте 1735 г. в прошении по поводу Наказа шихт-мейстеру они просили разрешения обучать лишь детей, свободных от работ, в этом мнении содержался новый вариант предложений заводчиков, по-прежнему стремившихся избежать обязанности обучения всех детей: брать в школы детей «по препорции», в зависимости от величины завода.

По поводу взимания налога на содержание богаделен и школ (гл. 5, п. 9) мнения разделились, и были поданы предложения отдельно тремя группами заводчиков и их приказчиков, но в принципе они повторяли и дополняли друг друга. Группа из 8 человек (берг-мейстер Каргин, заводчик Семен Красильников, приказчики Акинфия Демидова — Яков Егоров, Степан Петелин, Григорий Осипов; Никиты Демидова — Терентий Масалов; Петра Осокина — Родион Небогатов; Гаврилы Осокина — Мокей Сорокин) высказалась решительно: «на школу и богадельни чтоб платеж отменить, для того что у промышленников по новосочиненному уставу будут иметься свои школы, а для пропитания убогих всякому на своих заводах потребно содержать богадельни ж, у которых уже и есть»⁴⁷.

Приказчики Строгановых Бушуев и Наумов расценили этот налог с промышленников «в немалую тягость, понеже имеет быть против горной

привилегии»; заводчик Карп Вяземский, компанейщик Александр Прозоров, приказчик вдовы Турчаниновой Архип Токмаков — как «вящее заводчикам отягощение»⁴⁸.

Трое последних подметили недоработку норм о налогах в пользу школ: «Богадельны и школы збором от партикулярных заводов, как в том уставе упомянуто, содержать, а где оные состоять будут, того в том уставе не изъяснено. Ежели при казенных заводах — то те содержаны быть могут прибылью от казенных, а не от партикулярных заводов, понеже в данном шихтмейстерам наказе объявлено, что на каждом заводе школы и богадельны промышленникам содержать велено самим. Буде ж збор такой с промышленников спрашиван быть имеет, то им будет не без тягостения, и разумеется, что с партикулярных заводов от промышленников оного спрашивать не надлежит, и тем их не отягощать»⁴⁹.

Заметим, как ловко двое заводовладельцев и приказчик воспользовались упущением Татищева — отсутствием прилагательного «частные» к слову «заводы», чтобы не давать напрямую отрицательного ответа по поводу норм отчислений в пользу школ: школы при казенных заводах «могут» содержаться за счет прибыли от этих заводов, вводите эти нормы, мы не возражаем, ведь заводчики сами будут содержать школы.

Возвращаясь к мнению основной части промышленников (Демидовы в лице их приказчиков), отметим, что они сознательно извратили смысл положений законопроекта о материальном содержании школ, приписав Татищеву стремление использовать частные капиталы на содержание учебных заведений как при частных, так и при казенных предприятиях. По сути, за этой казуистикой — стремление заводовладельцев во что бы то ни стало избавиться от твердых, постоянных норм отчислений в пользу школ.

Отрицательное отношение заводовладельцев к попытке поставить частные заводы под жесткий контроль государства не могло не сказаться на судьбе Заводского устава. Члены Кабинета министров не спешили с одобрением этих законопроектов: в указе Татищеву от 29 октября 1735 г. они констатировали, что ни устав, ни наказ «здесь еще не разсматриваны». В черновом отпуске указа следом шло предписание: «а недождався на оные апробации и никакова по ним исполнения не чинить», но оно было зачеркнуто и в подлинный указ не попало»⁵⁰.

Изучение протоколов заседаний Канцелярии за 1735 г., подшитых в объемные книги помесечно, показало, что вопросы, касавшиеся открытия школ при частных заводах, в первой половине 1735 г. редко ставились на повестку дня. Уральское начальство было занято разработкой и обсуждением Горного и Заводского уставов, на заседаниях Канцелярии вникало в жалобы шихтмейстеров по поводу отказа приказчиков выполнять те или иные требования. Несколько раз принимались важные решения относи-

тельно организации школ при казенных заводах, до частных руки не доходили, да и шихтмейстеры в своих доношениях поднимали вопросы, касающиеся производственной сферы, строительства церквей, поиска беглых на частных заводах, уральское начальство выносило определения по этим вопросам, по поводу завершения переписи раскольников и т. п.

30 июня 1735 г. заслушивалось доношение Сергея Ярцева, шихтмейстера Шайтанского завода Никиты Демидова, «о строении церкви и о набранных в школу мастерских детях и о книгах». Было определено: «на Шайтанском заводе в школе детей обучать по силе определения, учиненного мая 2-дня сего году, церковь строить, как в наказе, данном ему, Ярцову, показано и о том к нему послать указ»⁵¹. К сожалению, текст самого доношения нам обнаружить не удалось, но ясно, что Шайтанский завод Никиты Демидова одним из первых подготовился к открытию школы.

В дневальной книге личной канцелярии Татищева за 1735 г. есть только одна запись об устройстве школ при частных предприятиях, и касается она Невьянского завода А. Демидова. 5 сентября Татищев выехал на Кушву для осмотра мест под строительство плотины, за полночь прибыл на Невьянский завод, пробыл там два дня, расспрашивал приказчиков о заводских делах, проверял приходно-расходные книги у шихтмейстера Алексея Булгакова. 7 сентября в книге записано: «Спрашивал надзирателя Булгакова о школе: она по силе данного ему наказу построена ль, и на оное он сказал, что школа готова, токмо учебных книг нет, о которых-де писано от прикащиков в Москву в июне месяце, токмо еще не получено, прикащики сказали то же»⁵².

Это единственный пока известный документ, свидетельствующий о личном контакте Татищева с шихтмейстерами и приказчиками по поводу открытия учебных заведений. Думается, не случаен особый интерес Татищева к Невьянскому заводу: как увидим далее, детей здесь насчитывалось чуть меньше, чем при всех других заводах А. Демидова, вместе взятых. Примечательно, что приготовления к открытию школы на Невьянском заводе шли полным ходом: помещение для школы к сентябрю было готово (возможно, построено новое), книги заказаны в Москву, наверняка, имелся наготове и учитель.

В ноябре — декабре 1735 г. вопрос об организации школ при частных заводах стал часто обсуждаться на заседаниях Канцелярии Главного правления. Толчком к этому послужило одно из важных определений о школах, вынесенных на заседании 3 ноября 1735 г. в присутствии Татищева. В этот день заслушивались результаты переписи детей школьного возраста, присланные из провинциальных канцелярий Вятской и Соликамской, казенных заводов Урала; были назначены учителя во все школы Екатеринбургa, в том числе немецкую и латинскую.

В связи с предстоящим открытием первых иноязычных школ, для которых требовались подростки, уже овладевшие чтением и письмом, предписывалось: «школьников, кои склад познали и писать начали, управительских, надзирательских, подьяческих и мастеров, кои понадежнее, а особливо иноземцев, определить для обучения немецкого и для того, буде таковые обученные где есть, собрать немедленно, а о протчих, сколько где в обучении из написанных и, кто и зачем не обучаютца, прислать немедленно списки». Детей духовенства и церковнослужителей, знающих грамоту, приказывалось выслать в латинскую школу Екатеринбургскую⁵³.

Из текста этого определения от 3 ноября 1735 г. не следовало, что оно распространялось на частные предприятия, но после рассылки указов на казенные заводы в первой половине ноября указы с текстом определения стали рассылаться и шихтмейстерам частных предприятий: с 19 по 29 декабря они были направлены на все заводы Демидовых и Билимбаевский завод Строгановых⁵⁴.

По-видимому, Татищев решил доукомплектовать немецкую и латинскую школы за счет уже овладевших грамотой детей не только казенных, но и частных заводов. Зададимся вопросом, почему это было сделано, какими мотивами он мог руководствоваться. В том, что это решение могло исходить только от Татищева, сомневаться не приходится: никто другой не осмелился бы дать впоследствии устное распоряжение о рассылке указов на частные заводы — вопрос был слишком принципиальным.

Думается, Татищев мог не сомневаться: грамотных детей для заполнения иноязычных школ хватит и с казенных предприятий. К занятиям в немецкой школе 6 ноября 1735 г. приступило 28 подростков, в латинской — всего 6, но результаты переписи детей убедительно свидетельствовали, что резерв детей, владеющих грамотой, в казенном ведомстве этим далеко не исчерпывался. На наш взгляд, Татищевым двигало стремление «к умопросвещению», желание обучить хотя бы несколько детей приказчиков, управителей, мастеров с каждого частного предприятия немецкому, истории, географии, математике — планы по развитию программы обучения в немецкой школе у Татищева были широкими.

Не менее важным Татищев считал и подготовку просвещенного духовенства для церквей горно-заводских поселков⁵⁵ и, наверняка, поэтому решил собрать в стенах латинской школы детей церковнослужителей с частных заводов. Заметим, не со всех, а только с принадлежавших Демидовым и Строгановым. Как неоднократно подчеркивал Татищев, на демидовских заводах проживало много раскольников и попы были раскольниками; возможно, может, поэтому Татищеву хотелось подготовить будущую достойную смену для занятия священнических мест.

Не будем забывать, что Демидовы являлись самыми опасными противниками Татищева на Урале: споры в 1721 г. с Никитой, отцом Акин-

фия и Никиты Никитича, закончились плачевно для Татищева: он был отстранен от управления казенными заводами, попал под следствие, поэтому, на наш взгляд, Татищев следил особенно пристально за демидовскими заводами, чтобы в первую очередь на них выполнялись предписания шихтмейстерского наказа и указов Канцелярии. Действия Татищева в 1735 г. — это определенный реванш за прошлое.

Получив указ Канцелярии о высылке знающих грамоту детей в Екатеринбург, шихтмейстеры начали выяснять у приказчиков, есть ли таковые при заводе, срочно стали составлять списки детей школьного возраста и отправлять их при доношении в уральское горное начальство.

Быстрее всех отреагировал Алексей Булгаков, шихтмейстер Невьянского, Быньговского и Шуралинского заводов А. Демидова: 22 ноября получил указ, а 24-го уже составил доношение с приложением переписи детей школьного возраста, проживавших при этих заводах. Василий Старый, шихтмейстер Нижнетагильского и Выйского заводов А. Демидова, получил указ 24 ноября, ответил 28-го. Четыре дня понадобилось для ответа шихтмейстеру Шайтанского и Билимбаевского заводов Сергею Ярцеву (доношение от 30 ноября). Михаил Козлов, надзиравший за Шайтанским и Уткинским заводами А. Демидова, смог подготовить перепись только 9 декабря, на 16-й день по получении указа, а Василий Раздеришин с Верхнетагильского и Черноисточинского заводов — лишь через полтора месяца, 10 января 1736 г.

Сопоставление чисел получения указов и составления доношений по ним позволяет сделать вывод, что на большей части этих заводов переписи детей уже были проведены, на четырех последних заводах Козлов и Раздеришин приступили к составлению списков, только получив указ Канцелярии, поэтому так и задержались, на это они сами указывают в доношениях. К сожалению, нам не удалось обнаружить ведомостей детей Ревдинского завода А. Демидова, а на Иргинском и Юговском заводах Осокиных они и не составлялись.

Эти доношения шихтмейстеров с приложением списков детей школьного возраста являются для нас ценными источниками, позволяющими судить о числе детей при частных заводах, их возрасте, социальной принадлежности и, главное, удельном весе грамотных среди них. Данные о грамотности в большинстве доношений поданы в увязке с возрастом, должностью отцов, конкретно указано, на какой стадии овладения грамотой находится подросток: учил часослов, псалтырь, окончил их, начал учиться писать или полностью овладел чтением и письмом. Хотя переписывались дети от 6 до 12 лет включительно, подростки, владеющие грамотой, учитывались и в более старшем возрасте — 15, 17, даже 18 лет.

Эта информация уникальна, единственна в своем роде: нам неизвестны случаи проведения подобных переписей детей на частновладельче-

ских заводах или других частных владениях на какой-либо территории России в первой половине XVIII в. И появлению на свет этой информации мы обязаны исключительно В. Н. Татищеву. Результаты обработки данных, содержащихся в ведомостях, для большей наглядности представим в виде двух таблиц, выделив сведения о возрасте и социальной принадлежности детей (табл. 2—3).

В таблицах 2—3 жирным шрифтом в знаменателе выделены данные о детях, освоивших чтение и письмо или находящихся в процессе их усвоения. Завершением обучения чтению в то время считалось освоение псалтыри (неполная грамотность). Условно к числу грамотных мы отнесли детей, еще учивших часослов и псалтырь, в расчете на то, что они завершат этот процесс, за исключением одного 11-летнего подростка с Шуралинского завода, только начавшего учиться читать.

Результаты переписи детей школьного возраста дают безрадостную картину: дети на частных заводах в отсутствие школ не обучались чтению и письму ни на дому, ни у мастеров грамоты, за плату. Лишь единицы использовали этот путь. Исключением являлся Невьянский завод А. Демидова, где детей было в несколько раз больше, чем при других заводах, и удельный вес грамотных был относительно высоким — 16,2 %, и его же Черноисточинский завод (17,2 %). Если на Черноисточинском заводе грамотными являлись 5 детей из 29 в возрасте 7—12 лет, то на Невьянском — 23 из 142, а всего 33 из 158 учтенных переписью детей.

Поскольку официально школы при Невьянском заводе не было, и это подтверждает разговор Татищева с шихтмейстером Булгаковым, значит, скорее всего, при этом заводе действовала какая-то частная школа, где в роли мастера грамоты подвизался отставной местный житель, возможно — раскольник. Вполне возможно также, что в этой роли выступали несколько человек, и поэтому Невьянский завод стал своеобразным культурным гнездом среди других частных уральских заводов. Следует признать, что такого явления не наблюдалось и ни на одном казенном заводе Урала в 1735 г. — до открытия при них по инициативе Татищева словесных школ.

Т а б л и ц а 2

Численность неграмотных и грамотных детей
на частных заводах Урала по возрастным группам (1735 г.)*

Завод	Возраст детей, лет													Уд. вес грамотных в возрасте 7–12 лет, %
	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	18	Возраст не указан	
Билимбаевский													5/2	
Быньговский		5	16	6	6	1	–	1					1	0
Верхнетагильский	10	6	8	6	6	1	2	1		1				0
Выйский + Нижнетагильский	13	7	7	10	9	2	6							0
Иртинский	Нет данных													
Невьянский	3	20/1	44/4	23/5	15/2	5/2	12/9	1/1	4	1/3	1		1/1	16,2
Ревдинский	Нет данных													
Уткинский	5	2	4	5	1	1		1				1		0
Черноисточинский	7	4	3/2	4	8	3	2/3							17,2
Шайтанский (А. Демидова)	1	6	3	1	3	4	–							0
Шайтанский (Н. Демидова)													2	
Шуралинский		2	3	1	1	1 начал учиться	2							0
Юговской	Нет данных													

* Табл. 2—3 составлены по: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 6—16 об., 53—57 об., 64—66 об.; Д. 577а. Л. 299—299 об., 311—311 об.; Оп. 12. Д. 227. Л. 81.

Учитывая исключительность сравнительно высокого уровня детской грамотности на Невьянском заводе, процитируем составленный Булгаковым список детей в части, касающейся грамотных⁵⁶.

Список имянной Невьянского дворянина Акинфия Демидова завода прикащикым, надзирательским, подъяческим и мастерским детям кто имяны, писать выучились и кто грамоте учатца, о том показано ниже сего

	лета
<...> прикащика Стефана Густомесова дети: Гаврило писать выучился	14
Яков писать выучился	11
Андреян часослов учит	9
бывшаго прикащика Ивана Акимова сын Терентей писать выучился <...>	12
бывшаго прикащика Карпа Иванова сын Иван писать выучился <...>	12
пищика Степана Сергеева сын Иван писать выучился	15
бывшаго пищика Тимофея Иванова сын Кирик писать выучился	15
пищика Василия Федорова Соколова сын Иван псалтирь выучил	12
надзирателя Дмитрия Михайлова Кузнецова сын Иван псалтырь выучил <...>	13
салдата Степана Яковлева Вяткина сын Иван писать выучился <...>	11
Грамоте ученые и учатца:	
молотового мастера Антона Анкудинова сына Тагунова сын Спиридон писать выучился	14

кучеосыпщика Антона Петрова сына Бородицких дети Михей писать выучился	15
Алексей писать выучился	14
плотника Ивана Алексеева сына Поляка сын Роман писать выучил[с]а	9
рудокопного мастера Мирона Андреева сына Молодова сын Малафей писать выучилса	14
молотового мастера Марка Семенова сына Сохи сын Семен писать выучилса	—
молотового мастера Тимофея Алексеева сына Поляка сын Меркул писать выучилса	8
кузнеца Макара Иванова сын Осип писать выучился	16
пушечных и фантальных труб мастера Петра Григорьева сына Кайгородова сын Егор писать выучился	12
молотового мастера Агапа Андреева сын Петр псалтырь выучилса	12
кучелома Анисима Андреева сына Обрамовских пасынок Иван псалтырь выучил	10
молотового мастера Пантелея Васильева сын Тимофей псалтырь выучил	12
смольного мастера Федора Пантелеева сын Дей псалтырь выучил	12
молотового подмастерья Ивана Никифорова сына Кадошникова сын Афанасей псалтырь выучил	9
дощатого мастера Нефеда Емельянова сына Шibaкова сын Григорей псалтырь учит	12
молотового мастера Михаила Семенова Полимонова сын Алексей псалтырь учит	12
кучеосыпщика Матфея Иванова сына Боброва сын Алексей псалтырь учит	9
кучелома Козьмы Савина сына Лежнева сын Андреян псалтырь учит	8
кучелома Ивана Федорова сына Сапожникова сын Иван псалтырь учит	10

молотового подмастерья Овдея Елфимова сын Андрей псалтырь учит	8
молотового подмастерья Ивана Мокеева сына Поляка сын Борис часослов учит	8
дошатоного ученика Григорья Яковлева сына Нечкина сын Григорей часовник выучил	9
молотового мастера Мокея Фефилова сын Демид часовник учит	7

Ясно, что на Невьянском заводе среди грамотных была сравнительно большая группа детей, полностью овладевших чтением и письмом, — 17 человек из 33. Они были выходцами из разных социальных слоев: четверо — дети приказчиков (11, 12 и 14 лет), двое — дети писчиков (15 лет), шестеро — дети мастеров (8, 12 и 14 лет), двое — дети кучеосыпщика (14 и 15 лет), кузнеца (16 лет), солдата (11 лет), плотника (9 лет).

Шестеро детей уже обучились чтению (выучили псалтырь): сын кучелома (10 лет), трое сыновей мастеров и писчика (12 лет), надзирателя (13 лет). Среди учивших псалтырь — дети 8, 9, 10, 12 лет. Учили часослов сын мастера, 7 лет, подмастерья, 8 лет и приказчика, 9 лет, 8-летний сын дошатоного ученика уже выучил часослов. Данные о возрасте свидетельствуют, что отцы, желавшие дать навыки грамоты детям, отдавали их учиться сравнительно рано, и некоторые способные ребята уже в 7—9 лет умели читать.

Шихтмейстер Сергей Ярцев 30 ноября 1735 г. сообщал в Канцелярию, что при Билимбаевском заводе Строгановых и Шайтанском заводе Никиты Демидова «в школу из прикащичьих, подъяческих и мастерских детей и из сирот назначено 10 человек ... из которых несколько прикащиковы и подъяческие словесному и учатся, а другия за неимением книг и поныне еще не учивались...». Ярцев не выделил фамилии детей, уже приступивших к изучению грамоты, не показал, какие книги они читали, поэтому мы лишены возможности судить о конкретной стадии их обучения, не указан а также возраст будущих школьников.

При Билимбаевском заводе Строгановых в школу было записано 7 человек: «прикащика Кирилла Наумова сын Дмитрий, подъячего Андреяна Мельникова сын Лев, домового Артамона Медведева сын Михайло, молотового мастера Епифана Воронова сын Прокопей, доменного мастера Козьмы Девяткова сын Данило, бывшего церковного сторожа сын Роман, молотового мастера Ивана Рычагова сын Дмитрий». Поскольку грамоте, согласно доношению Ярцева, начали учиться на дому лишь дети приказчика и подъячего, значит, это могли быть только первые

двое из списка. Отметим, что Строгановы и в конце ноября, через 10 месяцев после издания Наказа шихтмейстеру, еще не приступали к закупке книг для будущей школы.

При Шайтанском заводе Никиты Демидова в школу были записаны двое: сын молотового мастера Никита Токарев и сын плотника Григорий Устинов⁵⁷. Неясно, кто стал бы их учить, ведь ради двух человек учителя держать незачем. В казенном ведомстве этот вопрос решался просто: детей отправляли в школу ближайшего завода. В отношении частных заводов такой вариант вряд ли был возможен: Билимбаевский завод принадлежал Строгановым, ближайший к нему Шайтанский — Н. Демидову.

Шихтмейстер Шайтанского и Уткинского заводов Акинфея Демидова Михаил Козлов 9 декабря 1735 г. передал в доношении Канцелярии, что приказчик Трифон Никитин заявил: «При Шайтанском господина моего заводе управительских, надзирательских, подъяческих и мастеров детей не имеетца, а хотя у мастеров и обывателей и есть, да не учены... того ради, что способного человека их учить читать и писать не имеетца, також и за неимением книг». Приказчик Уткинской заводской конторы Василий Тихонов доложил шихтмейстеру, что бывший приказчик Леонтий Злобин и его дети взяты к строению казенного Полевского завода, а у подъячего Егора Сисина «ни одного сына умеюшаго в грамоте не имеетца», и больше детей приказчиков, подъяческих и мастеров детей никого нет⁵⁸.

Козлов приложил к доношению список детей от 6 до 12 лет, подлежащих обучению грамоте при этих заводах, составленный им на основе переписи 1732 г., проведенной полковником Толбузиным. При Шайтанском заводе из 18 детей школьного возраста грамотой не владел никто, при Уткинском из 38 детей умели читать и писать двое: сын бывшего приказчика Леонтия Злобина Андрей, 18 лет, и пасынок подъячего Егора Сысина Федор, 13 лет, в то время как его родной сын, 7 лет, еще не приступал к обучению⁵⁹.

Шихтмейстер Козлов, вероятно, со слов приказчика, так косноречиво сформулировал причины неграмотности детей при Уткинском заводе: «До двенатцати лет, которая во опись при оном заводе показаны, в грамоте не обучались за тем, ибо которая мастерския дети и те мастера проща детей своих обучать своим мастерствам... чтоб при заводах мастерство вовсе не умалилося, но паче того, множилось для государственной всенародной славы, от которых немалой государственной плод в зделанном железе происходит, а беспомошныя и рад[ы] бы детей своих в грамоте обучать, да за скудостию своею обучать им нечем...»⁶⁰.

Выходило, что обучение отцовскому мастерству напрочь исключало обучение грамоте — мотив, широко использовавшийся заводчиками и их приказчиками, заметим, полностью противоречивший мотивировке Татищева: настоящее овладение мастерством невозможно без знания гра-

моты и основ математики. Констатация отсутствия возможности обучать детей грамоте за плату у малоимущих родителей — еще одно убедительное свидетельство правильности позиции Татищева, стремившегося заставить владельцев заводов передать часть получаемой прибыли в пользу школ.

Шихтмейстер Нижнетагильского и Выйского заводов А. Демидова Василий Старый в конце ноября 1735 г. сообщал в Канцелярию, что грамотных для отправки в екатеринбургские школы из управительских, надзирательских, подъяческих, иноземцев нет, только при Выйском заводе у приказчика Ивана Медовщикова есть сын, который еще не начал писать. «А что ж протчие зачем не обучаются, ибо в построении школьной квартиры и в покупке книг не имеется, о чем здешних заводов у приказчиков неоднократно требовано, точию ничего не исполнено⁶¹».

Вслушав это доношение, члены Канцелярии А. Хрушов, Н. Клеопин и И. Юдин 10 декабря 1735 г. предписали: «о заведении школ по силе прежде посланных указов еще подтвердить указами на все портекулярные заводы»⁶². Подтвердительные указы об открытии школ в декабре месяце были отправлены на заводы А. Демидова — Нижнетагильский, Верхнетагильский, Выйский, Черноисточинский, Шайтанский, Уткинский, Ревдинский, Невьянский, Шуралинский, Быньговский; на Шайтанский завод Н. Демидова, Билимбаевский завод баронов Строгановых⁶³.

Шихтмейстеру Никите Кривцову, назначенному на Иргинский и Юговской завод Осокиных, Канцелярия не присылала указов, касающихся обучения детей. Как следует из его доношения от 27 января 1736 г.⁶⁴, он не получил ноябрьского указа Канцелярии о высылке знающих грамоту детей в латинскую и немецкую школы. Его фамилии действительно нет среди лиц, кому адресовался указ.

Получив второй указ Канцелярии через Пермское горное начальство, в тот же день (27 января) Кривцов информировал ее, что «при Иргинском заводе церкви, попов и прочих причетников церковных нет». Поскольку Наказом шихтмейстеру предписывалось выслать двух детей из приказчиковых или подъяческих для обучения на казенные заводы, Кривцов требовал этого, но «они (владелец и приказчик Иргинского завода? — А. С.) показывают, что у них при заводе служителей и заобычайных в понятии наук нет... я во исполнении об оном знания никакого не имею». С Юговского завода Гаврилы Осокина шихтмейстеру сообщили: грамотных детей церковнослужителей нет. «Тот и завод в смотрение мне поручен недавно, за которую недавностию и ведомостей от того заводу, которые нам надлежит по указом взять, не подано».

В доношении Н. Кривцова сообщается интересный факт: еще три месяца назад, в октябре 1735 г., он обращался в Канцелярию с просьбой подтвердить заводчику Петру Осокину «о набрании в школу обыватель-

ских детей при Иргинском заводе по силе данного мне наказа», но «и поныне о том указу сюда не прислано».

Информация этого доношения многозначительна. Можно говорить о том, что Татищев в отношении открытия школ стремился нажать прежде всего на Акинфия и Никиту Демидовых, Строгановых: именно на их заводы рассылались предписания, касающиеся обучения детей.

Попытки уральской администрации во главе с Татищевым вызвать с частных заводов детей, знающих грамоту, для обучения в немецкой и латинской школе вызвали активное сопротивление со стороны промышленников. В делах ГАСО нам удалось выявить второе коллективное прошение владельцев частных заводов и их приказчиков, не известное в литературе⁶⁵. Если первое прошение затрагивало несколько вопросов, то второе, поданное 20 декабря 1735 г., целиком посвящалось школьной политике казенного ведомства. Учитывая уникальный характер этого документа, мы приводим его текст полностью в приложении к статье.

Из этого прошения следует, что заводовладельцы не хотели выполнять требование уральского горного ведомства и отправлять в обязательном порядке детей, обученных грамоте, в немецкую и латинскую школы Екатеринбурга. Доводы их были вполне логичны и понятны: если высылать всех обученных со всех казенных и частных заводов, то потребуются значительные казенные средства на содержание и обучение в школах вдали от дома. Если отцам предписать содержать посланных на своем коште, «то многия есть такие, что едва и сами с нуждою пропитание имеют».

Справедливым следует признать и такой довод, что подростки в возрасте от 12 лет и старше нужны самим заводовладельцам: «таковые при заводах показанные к заводским делам, к письменному делу отдаются и помалу год от году в заводское произведение вникают».

Поэтому заводчики и от их имени приказчики просили администрацию казенных заводов детей, обученных грамоте, в екатеринбургские школы для продолжения обучения в обязательном порядке не направлять, только желающих, и при частных заводах обучать в школах лишь желающих. Таков главный смысл прошения. Предлагался уже третий по счету вариант обучения грамоте: «обучать словесному и писать каждому, кто где похочет».

Напомним, что в первом коллективном прошении в марте 1735 г. заводчики просили разрешения обучать лишь детей, свободных от заводских работ; по ходу обсуждения Заводского устава предложили брать в школы детей «по препорции», в зависимости от величины завода. Обучать грамоте «кто где захочет» — это, по сути, желание сохранить старый способ обучения на дому, у мастеров грамоты, за плату. Это значит, что в заводскую школу можно принять лишь часть детей, сославшись на

желание родителей учить их на дому, а то и вовсе заявить, что желающих учиться никого нет.

Очень умную позицию заняли заводчики и приказчики в отношении детей, уже обученных грамоте. Согласно Наказу их следовало учить арифметике, так зачем же слать в Екатеринбург? Пусть учат шихтмейстеры, но только желающих, только тех, «кто пожелает своею охотою неметскому или латинскому языкам, или другим каким наукам» обучаться, только «таковых повелено б было принимать в оные екатеринбургские школы».

В основном Татищев «с товарищи» с доводами просителей согласились и 29 декабря 1735 г. вынесли такое решение: «С портекулярных заводов и при них обретающихся сел в здешния казенные школы, кроме церковничьих детей, ничьих не брать, а обучать тамо при заводах словесному учителем, какие сыщутца, а арифметика и геометрии шихтмейстером по силе данных им наказов, которые же детей своих похотят учить к малеванию живописному и другим наукам, тем оных присылать суда, а здесь принимая, определять в науки по желанию их, церковничьих же по силе прежде посланных указов выслать всех суда немедленно И о том, куда надлежит послать указы, а как оные церковниевы дети присланы будут, то для обучения отдать в латинскую школу»⁶⁶.

Заметим, члены Канцелярии не пошли на поводу у заводчиков и не согласились обучать в школах при частных заводах лишь желающих — обязательный характер обучения сохранялся. Принцип «по желанию» распространялся лишь на обучение в Екатеринбурге, предлагались и услуги обучения рисованию: с ноября 1735 г. здесь начала действовать школа знаменования. По отношению же к церковничьим детям власти не уступили ни на шаг — по-прежнему требовали их высылки в Екатеринбург для обучения под оком начальства. И в декабре прибыли дети церковнослужителей из Невьянска для определения в школу на Екатеринбургский казенный завод⁶⁷.

В разгар приготовлений к открытию школ при частных заводах самый могущественный заводовладелец Урала Акинфий Демидов (напомним, владелец 12 уральских предприятий из 25) подал прошение верховной власти, решившее окончательную судьбу начинаний Татищева. 12 декабря 1735 г. Кабинет министров вынес резолюцию на это прошение. Благодаря самой форме этого законодательного акта (сначала кратко излагается суть просьбы, затем резолюция на нее, отдельно по каждому пункту), можно считать, что Демидов, по сути, повторил первое коллективное прошение, поданное владельцами заводов и их приказчиками в марте 1735 г., и подал его верховной власти от своего имени лично.

В нем кратко повторялись те же просьбы, что и в коллективной челобитной, приводились те же доводы, только суть просьбы о школах фор-

мулировалась несколько иначе — «обучать охотников, а в неволю не принуждать»⁶⁸, в то время как в марте 1735 г. заводчики просили обучать в школах детей, свободных от заводских работ. А. Демидов добавил лишь один частный пункт — о возврате ему из казенного ведомства двух иноземцев-штейгеров, специалистов по плавильному и рудонискательному делу, отысканных им и нанятых для личных нужд в Санкт-Петербурге.

Если на мнение Коммерц-коллегий и коллективное прошение промышленников Кабинет прямо не отреагировал, то резолюцией на прошение А. Демидова, наложенной 12 декабря 1735 г., верховный орган не только удовлетворил желание Демидова и стоявших за ним промышленников в отношении отчетности, выплаты жалованья мастеровым частных заводов, устройства школ, но и пошел дальше — отменил вообще институт шихтмейстеров⁶⁹, что, по сути, влекло за собой и отмену Наказа, составленного для них: он терял всякую силу, так и не став законом. О порядке взимания в казну налогов с частных владельцев отмечалось: «определение придется впредь».

В отношении школ в резолюции повторялась формулировка прошения А. Демидова: «На партикулярных заводах обывательских детей учить читать и писать охотников, а в неволю не принуждать...». При этом от себя Кабинет министров добавил: «а кто из них пожелают вступать в прочия науки, таких учить при казенных заводах». Несмотря, казалось бы, на четко выраженный характер предписания, ясно, что в действительности желание подростков никакой роли играть не могло: как устройство школ, так и отправка детей в школы при казенных заводах могли иметь место лишь при желании самих промышленников.

Лишь одно положение Наказа в измененном виде было включено в резолюцию Кабинета и получило законодательную силу: предписывалось «впредь для обучения содержания книг бухгалтерским манером для лучшего порядка и пресечения излишнего письма обучать в школе, которая учреждена будет при казенных главных заводах, а промышленникам объявить, чтоб они своих людей, сколько похотят, в оную школу отдавали, в которую их принимать и обучать». Хотя содержание этого предписания и близко к соответствующему положению Наказа Татищева, но акценты смещены: обязательный характер предписания адресуется Татищеву как начальнику заводов — ему брать детей с частных заводов, промышленники же получают право направлять их в школы, «сколько похотят».

Резолюция на прошение А. Демидова пришла на Урал 14 января 1735 г. Это было тяжелым ударом для Татищева, концом всех его начинаний относительно частных заводов, устройства при них школ. Только 20 января Татищев, придя в себя, составил доношение Кабинету минист-

ров⁷⁰, заявив, что Демидов «неправильно в. в. доносил и на меня невинно клеветает», попытался оправдать свои действия по всем пунктам обвинения.

В отношении устройства школ при частных заводах Татищев сделал дополнительное заявление: «Но как видим, что у них учителя раскольни[ки] и книги употребляют старые, то опасно, чтоб всех и повинующихся православной церкви не отвратили, ибо его, Акинфиевых, детей грамоте обучали раскольники, и, многие, бывшие перво правоверные, ныне на их заводах превращены».

Татищев снова опровергает тезис Демидова об использовании детей 6—12 лет на заводских работах, правда уже более спокойно, без насмешек, как в резолюции на первое коллективное прошение заводчиков и приказчиков в марте 1735 г. Татищев несколько лукавит, заявляя: «Однако ж школ и церквей строить, хотя видим, что нужно, до указа на партикулярных заводах и никого неволею учиться не принуждали». Обещает, что «и впредь в то вступаться не будем».

В одном из следующих доношений в Кабинет министров (дата его оторвана, оно не известно в литературе) Татищев сообщает о своем угнетенном настроении в связи с жалобами заводчиков (тем временем поступила жалоба и от Строгановых) и реакцией на это верховной власти: рассердив Строгановых и Демидова, «в страх крайней гибели и отчаяние пришел, ничего начать, ниже представить [не] смею, розсудя то, что уже мое безумство неоднова м[еня] обмануло... к дальнейшему произведению никакой смелости не имею... указ в беду и страх привел»⁷¹.

Характерно, что промышленники Урала, получив право учреждать школы по своему собственному желанию, на протяжении первой половины XVIII в. так и не открыли ни одного учебного заведения. Обучение детей при их заводах продолжало осуществляться за счет средств самого населения, на дому, и охватывало лишь небольшую часть подростков.

Таким образом, можно сказать, что постановление Кабинета министров от 12 декабря 1735 г. не повлекло за собой никаких положительных действий, способствующих развитию народного образования при частных заводах Урала. Претворение же проекта Татищева в жизнь позволило бы добиться сплошного обучения грамоте детей по меньшей мере при 25 частных предприятиях Урала, как это удалось Татищеву сделать при казенных. Но верховные власти решили бюлести в первую очередь интересы заводчиков в ущерб общегосударственным.

Всего несколько человек было послано промышленниками для обучения в екатеринбургские школы. Так, в 1752 г. приказчик барона Александра Строганова объявил при доношении в Канцелярию Главного правления заводов «домового человека» Козьму Черноусова для обучения в Екатеринбургской арифметической школе арифметике, геометрии, тригонометрии и маркшейдерской науке. Канцелярия определила: при-

нять Черноусова на коште своего хозяина, ссылаясь при этом на указ Берг-коллегии от 4 сентября 1721 г. о приеме в горно-заводские школы детей не только с территории горного ведомства, но и пришлых из прочих городов и сел по их желанию. Цитировался также Регламент Академии наук и художеств 1747 г., 60-й пункт которого предписывал: «Ко всем художествам из всех мест в государстве принимать учеников без платы на коште тех мест, откуда присылаемы будут»⁷².

В 1754 г. для обучения арифметике, геометрии и другим наукам в Екатеринбург была прислана целая группа «домовых людей» из 8 человек с Билимбаевского завода барона Сергея Строганова — Иона Пономарев «с товарищи»⁷³. В 1756 г. служитель барона Николая Строганова В. Воронов прислал в екатеринбургскую школу трех детей для обучения арифметике⁷⁴. Надзирателю школ Канцелярия предписывала всех их по окончании обучения представлять ей с аттестатами о пройденных науках.

Если Строгановы использовали возможность дать образование своим крепостным в школе казенного ведомства, то некоторые новые владельцы заводов, приобретя их в период массовой распродажи казной в 1759 г., наоборот, потребовали вернуть им молодых людей, взятых ранее для обучения в екатеринбургские школы. Так, в ноябре 1759 г. контора Верх-Исетского завода, купленного Р. Воронцовым, потребовала вернуть всех записанных в подушный оклад при Верх-Исетском заводе мастеровских и прочих людей детей и школьников⁷⁵. В феврале 1760 г. владелец Алапаевского завода просил отдать ему «для всекрайней надобности» числящегося в окладе при заводе Петра Солонина⁷⁶, выпускника Екатеринбургской арифметической школы, назначенного в 1752 г. школьным подмастерьем и успешно обучавшего детей в Екатеринбурге геометрии, тригонометрии и чертежам⁷⁷.

Характерно, что при Кушвинском казенном заводе определением Канцелярии от 24 февраля 1739 г. была открыта словесная школа для обучения детей этого завода, а также близлежащего Туринского, вошедших в строй действующих в том же 1739 г. Учителем был назначен ссыльный Василий Просолупов, из бывших дворян. Но уже в марте 1739 г. оба завода, как наиболее лакомые кусочки, удалось заполучить в свои руки главе Генерал-берг-директориума барону К. А. фон Шембергу. Учитель не посмел оставить свой пост и работал без жалованья вплоть до возврата заводов в казну в 1742 г.⁷⁸ Шемберга школа не интересовала.

Н. А. Демидов в 1763 г. предписал Нижнетагильской заводской конторе «содержать... служительских детей при объявленной Нижнетагильской и в прочих моих заводах в конторах при письменных делах безотлучно и в крепком смотре, дабы они как конторским, так и заводским делам обучились... В свободное время и праздничные дни заставлять их

в конторах читать книги, дабы они и хорошему штилю признавались и находились бы не в гулянке, но всегда во обучении»⁷⁹.

Только в 1765 г. при Нижнетагильском заводе была открыта школа для обучения детей чтению, письму, математике, сочинению чертежей, пению⁸⁰. При этом Демидов приказал заводской конторе употребить на содержание школы деньги, собираемые с мастеровых и работных людей на содержание семинарии⁸¹. В 1793/94 г. открыли училище в селе Ильинском Пермского уезда бароны Строгановы, в него они стали посылать способных к обучению детей крепостных со всего имения⁸².

Таким образом, только во второй половине XVIII в. стали появляться единичные учебные заведения при частных заводах Урала. Массовое открытие школ при них произошло лишь в первой половине XIX в., по прошествии почти 100 лет после отвергнутого верховной властью проекта В. Н. Татищева.

Приложение

Не позднее 20 декабря 1735 г. — Прошение заводчиков и приказчиков частных заводов Урала в Канцелярию Главного правления заводов об обучении детей при частных заводах грамоте, кто где пожелает, желающих знать арифметику учить шихтмейстерам, желающих изучать немецкий, латинский язык и другие науки отправлять в Екатеринбург

По указом е. и. в. из реченной Канцелярии ко определенным на портикулярные заводы шихтмейстером велено при оных заводах надзирательских, прикашических, подъяческих и мастерских детей, которые в грамоте выучились и склад познали, и писать начали, прислать в Екатеринбург для обучения немецкого и латинского языков, по которым е. и. в. указом помянутыя шихтмейстеры объявленных детей переписав и к посылке готовят, и ежели со всех заводов присланы будут, то соберетца денег немалая сумма, а ежели отцам их содержать на своем коште при той науке, то многия есть такие, что едва и сами с нуждою пропитание имеют. К тому ж и оных детей, которые писать умеют и возрастом около двенадцети лет и выше, таковые при заводах показанные к заводским делам к письменному делу отдаются и помалу год от году в заводское произведение вникают и по наказам, данным из означенной Канцелярии объявленным шихтмейстером, по 9 пункту велено при заводах учредить школы, в которые, собрав детей, обучать церковному дьячку или особливо сыскав способного человека, и, ежели учителя не сыщется, то и самим шихтмейстером обучать велено.

Того ради Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов с покорностию просим, дабы повелено было определенным шихтмейстером с партикулярных заводов объявленных детей в Екатеринбургскую школу высылку отменить, а повелеть обучать словесному и писать каждому кто где похочет, а которые уже тому выучились, чтоб повелено было арихметике желающих обучать помянутым шихтмейстером по силе данных им наказов, а кто пожелает своего охотою неметскому или латинскому языкам, или другим каким наукам, и та-

ковых повелено б было принимать в оные екатеринбургские школ, и на сие наше доношение учинить милостивое решение.

О сем доносят ниже подписавшиеся заводчики и приказчики декабря дня 1735 году.

Берг-мейстер Потап Каркин руку приложил,
к сему доношению заводчик Семен Красильников руку приложил,
заводчик Карп Вяземской руку приложил,
господ баронов приказчики Григорей Бушуев руку приложил,
господ же баронов прикащика Кирило Наумов руку приложил,
дворянина Акинфея Демидова прикащик Стефан Потехин руку приложил,
прикащик Григорей Осепов руку приложил,
к сему доношению заводчицы вдовы Анны Турчаниновой прикащик Архип Токмаков руку приложил,
Терентий Масалов руку приложил,
заводчиков Петра Осокина прикащик Родион Небогатов,
заводчика Гаврила Осокина прикащик Мокей Сорочкин.

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 62—63. Подлинник.

¹ См.: *Берх В. Н.* Жизнеописание В. Н. Татищева // Горный журнал. 1828. № 3. С. 156; № 4. С. 105—106.

² См.: ПСЗРИ. 1-е собр. СПб., 1830. Т. 9, № 6559. С. 290—296; № 6840. С. 607—608.

³ См.: Горный журнал. 1831. Кн. 26. С. 190—191; Кн. 5. С. 175—176; Кн. 7. С. 1—6; Кн. 8. С. 3.

⁴ *Попов Н. А.* Татищев и его время. М., 1861.

⁵ *Владимирский-Буданов Н.* Государство и народное образование в России XVIII века. Ярославль, 1874. С. 159—160.

⁶ *Нечаев Н. В.* Школы при горных заводах Урала в первой половине XVIII в. М., 1944. С. 45—46, 38—39.

⁷ См.: *Будрин В. И.* Горнозаводские школы Урала в XVIII и в начале XIX в. // Материалы второй науч. конф. по истории Екатеринбурга—Свердловска. Свердловск, 1950. С. 56.

⁸ См.: *Павленко Н. И.* «Наказ шихтмейстеру» В. Н. Татищева // Ист. архив. 1951. Т. 6. С. 210—244.

⁹ См.: Там же. С. 199—209.

¹⁰ См.: *Горловский М. А., Павленко Н. И.* Материалы совещания уральских промышленников 1734—1736 гг. // Там же. 1953. Т. 9. С. 5—155.

¹¹ См.: *Василий Никитич Татищев.* Записки. Письма, 1717—1750 гг. М., 1990. С. 176—186.

¹² См.: ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 104. Л. 73—74.

¹³ ПСЗРИ. Т. 9, № 6559. С. 290—296.

¹⁴ *Павленко Н. И.* «Наказ шихтмейстеру»... С. 201.

-
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1527. Л. 35.
- ¹⁶ Там же. Оп. 17. Д. 1 133. Л. 63 об.
- ¹⁷ Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 223—225.
- ¹⁸ См.: *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горнозаводских школах Урала в 30-е гг. XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2004. Вып. 4. С. 89—91.
- ¹⁹ См.: Русский архив. 1880. Кн. 1. С. 129—136; *Шилионко В.* Пермская летопись. Пятый период. Ч. 3. Пермь, 1889. С. 35.
- ²⁰ ПСЗРИ. Т. 6. № 3718. С. 330—331; Т. 8. № 5881. С. 557; Т. 6. № 3708. С. 302; Т. 8. № 5518. С. 257; № 5811. С. 519; № 6188. С. 928.
- ²¹ Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 234.
- ²² *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 86.
- ²³ ПСЗРИ. Т. 5, № 2778. С. 86; Т. 6, № 3718. С. 337; № 4021; Т. 8, № 5811. С. 519; ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 325. Л. 4 об.
- ²⁴ *Татищев В. Н.* Избранные произведения. С. 67.
- ²⁵ См.: *Василий Никитич Татищев.* Записки. Письма. С. 176.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1 133. Л. 281 об.
- ²⁷ Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 235—240.
- ²⁸ Там же. С. 239.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1 133. Л. 16.
- ³⁰ Там же. Ф. 177. Оп. 1. Д. 77.
- ³¹ Там же. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 63.
- ³² Там же. Л. 259.
- ³³ Там же. Ф. 271. Оп. 1. Д. 12. Л. 173.
- ³⁴ Там же. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1 133. Л. 145 об.
- ³⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 217. Л. 87.
- ³⁶ Исторический архив. 1951. Т. 6. С. 205—208.
- ³⁷ Там же. С. 203.
- ³⁸ Там же. С. 228—231.
- ³⁹ Там же. С. 229—230.
- ⁴⁰ Там же. С. 230.
- ⁴¹ Там же. С. 233-234.
- ⁴² РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1 133. Л. 99.
- ⁴³ См.: Там же. Оп. 22. Д. 1528. Л. 130 об.

-
- ⁴⁴ См.: Горный журнал. 1831. Ч. 1, кн. 2. С. 190—191.
- ⁴⁵ Там же. Ч. 3. Кн. 7. С. 1—6.
- ⁴⁶ Исторический архив. 1953. Т. IX. С. 132.
- ⁴⁷ Там же. С. 137.
- ⁴⁸ Там же. С. 138, 139.
- ⁴⁹ Там же. С. 145.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1133. Л. 167.
- ⁵¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 221. Л. 331.
- ⁵² РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 191 об.
- ⁵³ ГАСО. Оп. 12. Д. 226. Л. 11—13.
- ⁵⁴ См.: Там же. Оп. 1. Д. 577а. Л. 284—284 об.
- ⁵⁵ См. подробнее об этом: *Сафронова А. М.* В. Н. Татищев и обучение детей духовенства в горно-заводских школах Урала в 30-е гг. XVIII в. С. 71—99.
- ⁵⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 624. Л. 6—8.
- ⁵⁷ Там же. Д. 577а. Л. 311.
- ⁵⁸ Там же. Д. 624. Л. 64 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 65 об.
- ⁶⁰ Там же. Л. 67.
- ⁶¹ Там же. Д. 577а. Л. 299.
- ⁶² Там же. Л. 299 об.
- ⁶³ Там же. Л. 302—304.
- ⁶⁴ Там же. Д. 624. Л. 102—103.
- ⁶⁵ Там же. Л. 62—63.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 12. Д. 227. Л. 301—302.
- ⁶⁷ Там же. Л. 81; Д. 228. Л. 167; РГАДА. Ф. 248. Оп. 22. Д. 1528. Л. 191 об.; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 227. Л. 98.
- ⁶⁸ ПСЗРИ. Т. 9, № 6840. С. 608.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ *Василий Никитич Татищев*. Записки. Письма. С. 220.
- ⁷¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. 1133. Л. 288.
- ⁷² ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 426. Л. 109—110.
- ⁷³ Там же. Д. 445. Л. 226—227.
- ⁷⁴ Там же. Д. 468. Л. 75—77.

- ⁷⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 514. Л. 67 об.—68.
- ⁷⁶ Там же. Д. 517. Л. 46—47.
- ⁷⁷ Там же. Д. 425. Л. 5—12.
- ⁷⁸ Там же. Оп. 1. Д. 1128. Л. 24—36.
- ⁷⁹ Цит. по: *Лысова О. А., Осипова Л. А.* К вопросу о развитии горнотехнического образования на Урале в XVIII в. // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала XVIII — начала XX века. Свердловск, 1979. С. 100.
- ⁸⁰ Там же. С. 101—102.
- ⁸¹ Там же. С. 101.
- ⁸² См.: *Калинина Т. А.* Крепостная школа в вотчине Строгановых (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Из истории демократической культуры на Урале (XVIII — начало XX в.). Пермь, 1986. С. 17.